

Сун Чэнцина распалили мягкие губы, прильнувшие к его собственным, и, хотя он понимал, что это всего лишь маленькая хитрость, чтобы отвлечь его внимание, не смог устоять и угодил в ловушку. Он захватил кончик языка, который тот сам подставил, нежно лаская его, а затем внезапно укусил за нижнюю губу, словно наказывая.

Фан Чжи, хмурясь, издал тихое «хм», его сомкнутые ресницы дрожали, а руки обвили плечи Сун Чэнцина, и он повис на нём всем телом.

Сун Чэнцин одной рукой мягко поддерживал его правую руку, а другой сжал его шею сзади, его язык проник в рот, лаская чувствительное нёбо Фан Чжи. Во рту ещё оставался сладкий привкус слоёной лепёшки, и он, невнятно прикусывая его губы, спросил:

— Что ты съел, такой сладкий?

Фан Чжи, бормоча, не мог вымолвить ни слова, едва освободив свои губы и язык из плена, прошептал:

— Слоёную лепёшку.

Увидев, что Сун Чэнцин молчит, он полуобернулся, взял с стола наполовину съеденную лепёшку и протянул её ему, словно предлагая сокровище:

— Очень вкусная!

Сун Чэнцин откусил кусочек прямо с его руки, смакуя, прожевал:

— Мм, вкусная до того, что жалеешь для меня? Дашь мне доесть этот надкусанный кусок?

Фан Чжи покраснел, с улыбкой обнажив две милые ямочки на щеках, и капризно сказал:

— Ерунда, что хочешь, всё тебе отдам...

— Правда?

— Мм, сначала скажи, чего хочешь...

Сун Чэнцин с усмешкой проворчал:

— Маленький плут! Что такое спрятал от меня?

Фан Чжи обнял его за шею, уткнулся носом в плечо, нежно терясь о него, и мягко сказал:

— Я спрятал твоё сердце.

Сун Чэнцин на мгновение замер, будто его сердце пропустило удар. Прошло немало времени, прежде чем он опустил голову, разыскал лицо человека у себя в объятиях, поцеловал мягкую щеку и, стараясь сохранять спокойствие, спросил:

— Куда спрятал?

Фан Чжи надул губы и тихо прошептал, прячась у него на груди:

— Естественно, не скажу. Раз отдал мне, значит моё, и не думай забрать обратно.

— Хорошо, а твоё где?

Фан Чжи украдкой улыбнулся, словно смутился, поднял руку и ущипнул Сун Чэнцина за щеку, нарочито сердито:

— Моё сердце, разумеется, с твоим!

Они посмотрели друг другу в глаза, Фан Чжи смягчился, утонув в нежном взгляде Сун Чэнцина, и, прижавшись губами к его, капризно пробормотал:

— Что ты делаешь...

— Ничего не делаю, просто целую тебя.

Сун Чэнцин нежно держал его лицо, целуя, в этот обычный день после снегопада они делились сокровенным, их языки переплетались, сливая два сердца в одно, храня их в самых сокровенных глубинах памяти.

Не только не получив выговора, но и заслужив долгий нежный поцелуй, Фан Чжи был на седьмом небе от счастья, становясь всё более капризным. Хотя у него была больная рука, в обычные дни он то и дело просил, чтобы его носили на руках, не мог ходить сам, купаться и одеваться — всё это Сун Чэнцин и так привык делать для него, а теперь, после травмы, баловал его ещё сильнее.

Но в конце концов он даже не мог сам съесть кусочек пирожного, всё приходилось кормить с руки Сун Чэнцина, и он превратился в настоящего прилипалу. Куда бы ни пошёл Сун Чэнцин, он должен был брать с собой этого домашнего сокровища, иначе тот возвращался в слезах, с опухшими от плача глазами, смотря на него с обидой, и никак не мог успокоиться.

По выходным я становлюсь невероятно ленивым, выпью немного вина, подую на ветерок и совсем не хочу ничего писать. Погода слишком хорошая, хочется найти кого-то, кому можно повороковать, глядя на пустое место рядом, вздыхаю, и приходится позволять Сяо Чжи повороковать за меня.

В этот день после обеда выглянуло солнце, озаряя зимний день ленивым светом. Сун Хэ с несколькими служанками вынесла зимние одеяла сушиться во внутреннем дворе, и кровать опустела.

После обеда Фан Чжи начал клевать носом. Сун Чэнцин сначала сидел с ним в кабинете, просматривая бухгалтерские книги, но голова Фан Чжи начала клониться к столу, как у клюющего зёрнышки цыплёнка. Сун Чэнцин просто взял его и повал вздремнуть.

Они легли на маленькую кушетку у окна, места было маловато, и Фан Чжи почти полностью оказался в объятиях Сун Чэнцина. Он зевнул, глядя на полуоткрытое окно, и сонно спросил:

— Почему весна всё не наступает?

Сун Чэнцин с улыбкой посмотрел на него:

— Ли-чунь уже миновал несколько дней назад, забыл? Это у тебя весенняя сонливость.

Фан Чжи вдруг осознал:

— А, ну тогда скоро потеплеет, и мы сможем почаще ходить на рынок. Весной за городом

красиво, да и ты ведь говорил, что хочешь поехать в Цзяннань? Когда повезёшь меня?..

Говоря о весне, Фан Чжи снова оживился, его маленький ротик затараторил, уткнувшись в грудь Сун Чэнцина, и от прежней сонливости не осталось и следа.

Сун Чэнцин нежно погладил его растрепавшиеся волосы на висках, не отвечая, наклонился и поцеловал его. Через некоторое время он позвал:

— Сяо Бао?

— Что такое?

— Через некоторое время мне нужно уехать в дальний путь.

— А? — Фан Чжи приподнялся на локте, глядя на него с недоумением.

Сун Чэнцин неважно обнял его:

— На днях пришёл указ из дворца, на севере напряжённая ситуация с войной, я...

Не дожидаясь, пока он закончит, свет в глазах Фан Чжи погас. Хотя он часто был ветреным, он не был настоящим ребёнком:

— Опять уезжаешь? На этот раз надолго?

Сун Чэнцин, видя его таким, почувствовал боль в сердце, но ничего не мог поделать. Для Сун Чэнцина Фан Чжи был самым важным человеком в этой жизни, но для генерала семьи Сун, поколениями служившего двору, государство и общество были тем, что он должен был всегда держать в сердце.

Эти дни, проведённые с Фан Чжи, совпали с праздниками, и в доме появился важный человек. Обычно он только думал о том, как его развеселить, все его мысли были заняты этим человеком, но боевой мундир генерала, давно не надеваемый, не означал, что он мог забыть о нём.

— Ничего, сколько бы времени ни прошло, я буду ждать твоего возвращения.

Не дождавшись ответа, Фан Чжи сам опустил голову ему на грудь, слушая его сильное сердцебиение, и у него защипало в носу.

— Это не в первый раз.

В это беспокойное время у него было безопасное место, но в тех краях, о которых он не знал, война никогда не прекращалась.

Сун Чэнцин и он редко были вместе, поэтому раньше он думал, что неважно, вернётся ли он с ним в дом семьи Сун. Даже если вернётся, они проведут вместе лишь несколько дней. Дом генерала Сун был на поле боя. В эпоху писем транспорт был неудобен, на поездки туда и обратно уходили месяцы, и за весь год было всего несколько месяцев — разве этого достаточно?

Сун Чэнцин обнял его, целуя слёзы в уголках его глаз:

— Это я плохой, что постоянно заставляю тебя грустить.

Фан Чзhi покачал головой, зарылся лицом ему в грудь. Он просто подумал об их положении и почувствовал грусть, но после таких слов утешения слёзы перестали подчиняться ему, катясь одна за другой, пока он, схватившись за воротник Сун Чэнцина, не издал сдавленный всхлип.

Сун Чэнцин попытался поцеловать его, но тот, капризная, отвернулся, надув губы, не позволяя целовать и не желая утешения, сам перевернулся спиной, тайком вытирая слёзы.

Сердце Сун Чэнцина сжалось, будто его сдавили рукой, и он едва мог дышать. Фан Чжи был капризным, и он баловал его. Обычно слёзы не были редкостью, но впервые он плакал так, что это задело его до глубины души. Он явно не мог сдержаться, но изо всех сил старался не плакать вслух, тайком вытирая слёзы, и эта обида ранила сердце Сун Чэнцина. Он бы предпочёл, чтобы тот рассердился, как обычно, но в серьёзных делах этот человек становился настолько понимающим, что это разрывало сердце.

Он силой развернул его плечи к себе, лицо было всё в слезах, губы поджаты, глаза опущены, он не смотрел на него. Две ямочки на щеках едва просматривались, но они больше не были сладкими, будто наполнены горьким вином.

— Не плачь, наш Сяо Бао такой красивый, если будешь плакать, станешь дурным. Хороший, не плачь... Муж поцелует, ладно? —

Сун Чэнцин, в конце концов, прижал его к себе, целуя губы, ощущая солёный вкус, и на душе у него стало ещё тяжелее. Он прижался губами к его, утешая:

— Если будешь плакать, даже небеса заплачут, дождь превратит землю в грязь, и дороги станут непроходимыми. Ты ведь хочешь гулять, да?

Фан Чзhi, всхлипывая, ударил его кулаком по груди:

— Тогда... тогда ты понесёшь меня на ручках, будешь обнимать меня... у-у...

Сун Чэнцин нежно вытер ему слёзы и тихо засмеялся:

— Хорошо, куда бы ты ни пошёл, я буду тебя носить на ручках. Наш Сяо Бао самый послушный, поцелуй...

Фан Чзhi, икая от слёз, послушно открыл рот, позволив блуждающему снаружи языку войти внутрь, и сам с нетерпением протянул свой язык, чтобы переплестись. Кончики языков соприкоснулись, успокаивая, и ощущение, как его губы и язык всасываются, постепенно успокоило его. Закрыв глаза, он обнял шею Сун Чэнцина, и жалобный плач постепенно превратился в тихие стоны.

По выходным я становлюсь невероятно ленивым, выпью немного вина, подую на ветерок и совсем не хочу ничего писать. Погода слишком хорошая, хочется найти кого-то, кому можно поворковать, глядя на пустое место рядом, вздыхая, и приходится позволять Сяо Чжи поворковать за меня.